НОВѢЙШАЯ ПОЭЗІЯ

КАКЪ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ.

Н. Ѳ. Сумцова.

1030107

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА
СЕНТ. 1900
№ 1758

ХАРЬКОВЪ.
Типографія М. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25-й.
1883.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2-го Сентября 1883 года.

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА

„Поэзія—не забава воображенія, а средство народнаго воспитанія.
В. А. Жуковскій.

Искусственная простонародная литература возникла въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Первымъ и весьма удачнымъ опытомъ народно-просвѣтительной литературы была изданная М. А. Максимовичемъ въ 1833 г. „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“ [1]). Въ 1839 г. вышли въ Харьковѣ „Листи до любезнихъ земляківъ“ Квитки-Основьяненка [2]). Въ 1843—1848 г. вышло четыре книги „Сельскаго Чтенія“ Одоевскаго и Заблоцкаго [3]).

„Листы“ Квитки прошли незамѣченными и не оставили послѣ себя замѣтнаго слѣда. „Книга Наума“ Максимовича и „Сельское Чтеніе“ кн. В. Одоевскаго и Заблоцкаго послужили краеугольнымъ камнемъ просвѣтительной простонародной литературы. Содержаніе ихъ весьма разнообразно. Въ однѣхъ статьяхъ излагаются правила нравственности, подкрѣпленныя искусно подобранными примѣрами назидательнаго свойства. Въ другихъ статьяхъ сообщаются полезныя для крестьянъ практическія свѣдѣнія. Матеріалъ, доступный для простонароднаго пониманія, обработанъ весьма тщательно и изложенъ съ образцовой ясностью.

Первыя народно-просвѣтительныя книжки были встрѣчены недоброжелательно въ обществѣ и въ печати. И общество, и печать были сильно проникнуты крѣпостническими взглядами на мужика. Литературные критики и рецензенты допускали еще, съ разными оговорками, возможность пользы сельско-хозяйственныхъ книгъ, но рѣшительно отворачивались отъ книгъ историческихъ и смѣя-

[1]) Въ 1876 г. было 12-е изданіе „Книги Наума“.

[2]) „Листы“ въ настоящее время библіографическая рѣдкость. Одинъ экземпляръ находится въ Публичной Библ. въ Петербургѣ.

[3]) „Сел. Чтен.“ издавалось много разъ; такъ, первая книга имѣла 11 изд., 2—7 изд. Число разошедшихся экземпляровъ громадно.

лись надъ ними. Въ одномъ распространенномъ журналѣ 40 годовъ критикъ разсуждалъ такимъ образомъ о пользѣ и значеніи простонародной литературы: „Возможность пользы простонародныхъ книгъ о простонародномъ дѣлѣ, о хлѣбопашествѣ, о домашнемъ хозяйствѣ, я понимаю, хоть и не увѣренъ въ дѣйствительности этой пользы.... но исторія кажется мнѣ необузданною роскошью не только для простаго мужика, но и для старосты. Дѣло въ томъ, что если мой крестьянинъ прійдетъ ко мнѣ за совѣтомъ купить ли ему исторію г. Любимова „Про былое на православной Руси", я рѣшительно скажу: „не покупай, мой другъ (!); лучше сбереги эту денежку; да вотъ тебѣ еще полтина; поди и купи на нихъ хорошій плугъ или желѣзную борону въ земледѣльческомъ училищѣ; это для тебѣ нужнѣй всѣхъ исторій. А если боишься, что отъ бездѣлья въ праздникъ лукавый потянетъ тебя въ кабакъ, то вѣдь у тебя есть Бова Королевичъ: читай его! Правда, твой Бова Королевичъ оборванъ, и, какъ я видѣлъ, безъ начала: для тебя вѣдь все равно, что ни читать и откуда ни начнешь читать" [1]).

При такомъ крайне презрительномъ отношеніи къ народу, при господствѣ крѣпостническихъ воззрѣній на мужика, какъ на существо низкое и грубое, искусственная простонародная литература рано начала заростать сорными травами. Одновременно съ „Сел. Чтеніемъ" кн. В. Одоевскаго вышли „Сельскія бесѣды для народнаго чтенія" Фишера. Въ этихъ курьезныхъ „Бесѣдахъ" встрѣчаются такія нелѣпости: „польза водки, вредъ пьянства и лѣченія запоя"; „русскій пьетъ водку во славу Россіи и за здравіе соотечественниковъ.... Все подтверждаетъ, что русскому человѣку нужно пить водку.... И такъ во славу и благоденствіе русскаго царства пей русской водку".

Въ 40 и 50 годахъ искусственная простонародная литература развивалась очень медленно. Въ это время происходила другая, весьма важная умственная работа, оказавшая благотворное вліяніе на успѣшное развитіе народной литературы. Горсть даровитыхъ западниковъ и славянофиловъ усердно разработывала идею

[1]) Отечеств. Зап. 1844. т. 33 VI. 25.

народности. Энергическими усиліями Бѣлинскаго, Тургенева (Записки охотника) съ одной стороны, братьевъ Кирѣевскихъ, Хомякова—съ другой, въ глазахъ интеллигентныхъ людей было поднято нравственное достоинство крестьянской личности.

Въ 60-хъ годахъ народныя книги, бесѣды, чтенія посыпались дождемъ. Это было золотое время, когда и „столітні очі якъ зорі сіяли, а слово за словомъ сміялось, лилось". И въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ искусственная простонародная литература шагнула впередъ.

Къ сожалѣнію, уже въ это время обозначилось два направленія простонародной литературы: направленіе помрачительное и направленіе просвѣтительное.

Спекулятивная народно-книжно-издательная дѣятельность въ 60 годахъ не могла вполнѣ развиться, потому что встрѣчала сильное противодѣйствіе въ интеллигенціи, бодрой умственно и нравственно. Въ 70-хъ годахъ спекулятивная книжно-издательская дѣятельность получила прочную организацію и пустила глубоко корни въ русской жизни. Главнымъ центромъ этой дѣятельности является Москва, гдѣ находятся извѣстныя книжно-торговыя фирмы Манухина, Леухина, Морозова, Яковлева. Плодомъ дѣятельности этихъ издателей является масса такихъ книгъ, какъ „Сказка о славномъ рыцарѣ Херсонѣ и амазонской царевнѣ Келемберѣ", „Брильянтовый перстень въ щукѣ, или непосредственное счастье несчастливому купцу", „Проказы купеческой жены и прикащика", оракулы. Книжки эти фабрикуются приказчиками, писарями изъ военныхъ, отставными мелкими чиновниками, фабрикуются за 3 или 5 рублей гонорара. Нечего говорить, что вся торговля такимъ книжнымъ товаромъ ведется весьма нечисто, начиная съ издателя и кончая послѣднимъ посредникомъ—офеней. Издатель обыкновенно или вовсе не обозначаетъ цѣны, или назначаетъ тройную цѣну противъ стоимости изданія и затѣмъ уступаетъ въ пользу посредника не менѣе 50% съ предполагаемой продажной цѣны; нерѣдко уступка простирается еще далѣе, и притомъ передача книгъ зачастую производится въ кредитъ, впредь до выручки. Получивши отъ издателя 50% уступки, офеня продаетъ книгу съ страшнымъ запросомъ, причемъ беретъ не только деньги, но и

сельскіе продукты, разумѣется, съ возможно большей выгодой для себя и съ потерей для покупателя [1]).

Главными дѣятелями просвѣтительной простонародной литературы являются московское общество распространенія полезныхъ книгъ, петербургское товарищество „Общественная польза", петербургскій и московскій комитеты грамотности. Есть довольно много хорошихъ народныхъ книжекъ, изданныхъ редакціями народныхъ журналовъ и частными лицами.

Въ слѣдствіе господствовавшаго въ 60-хъ годахъ увлеченія реальными науками было обращено большое вниманіе на популяризацію въ средѣ народныхъ массъ свѣдѣній по физикѣ и естествовѣдѣнію. Въ особенности богатой оказалась литература по міровѣдѣнію, и богатой не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи. Кромѣ того, въ 60-хъ годахъ вышло довольно много народныхъ книжекъ по медицинѣ и гигіенѣ.

Популяризація историческихъ знаній также сдѣлала значительный шагъ впередъ, преимущественно въ 70 годахъ, когда въ достаточной степени была сознана необходимость историческихъ знаній для надлежащаго пониманія общечеловѣческихъ отношеній. Для популяризаціи русской исторіи сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ для популяризаціи всеобщей исторіи и этнографіи. Простонародная литература совсѣмъ бѣдна книгами экономическими и юридическими, не смотря на важное значеніе правильныхъ экономическихъ и юридическихъ свѣдѣній въ жизни крестьянства.

Самой слабой стороной просвѣтительной народной литературы представляются, вопервыхъ, ея религіозно-нравственный отдѣлъ, вовторыхъ, беллетристика. Не подлежитъ сомнѣнію, что простой народъ чувствуетъ особенную наклонность къ книгамъ религіозно-нравственнымъ. Наклонность эта выработана тысячелѣтней исторіей народа, всѣмъ его прошлымъ. Крестьянская мысль вращается преимущественно въ области религіозно-нравственныхъ интересовъ и вопросовъ. Чтобы удовлетворить запросамъ крестьянскаго ума и сердца, необходимо, на ряду съ книгами естественно-научными и историческими обратить достаточно серьезное вниманіе

[1]) Поповъ, „Недѣля" 1874. стр. 20—22.

и на книги духовныя. Крестьяне очень любятъ житія святыхъ, и имъ надо предоставить житейную литературу. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что житіе житію рознь, какъ разнятся и сказки, и пѣсни, и стихи. Есть житія мрачно-аскетическія, съ разной чертовщиной, съ картинами жестокости. Необходимо сдѣлать надлежащій выборъ и въ обширной житейной литературѣ отыскать и издать житія съ чертами высокаго нравственнаго совершенства, безкорыстнаго служенія ближнему, стоянія за правду. Есть житія русскихъ святыхъ превосходныя въ смыслѣ нравственно-воспитательномъ. Возьмемъ для примѣра житіе св. Димитрія Вологодскаго. Богатый бояринъ везетъ въ даръ монастырю цѣлый возъ хлѣба на братію. Тутъ выходитъ къ нему старецъ Димитрій и кротко проситъ его отправить возъ назадъ, накормить своихъ голодныхъ слугъ и только остатки отдать въ монастырь [1]). Такъ поучалъ рабовладѣльцевъ не одинъ Димитрій вологодскій, а многіе другіе великіе подвижники древней русской церкви.

Народъ имѣетъ свою собственную изящную литературу въ видѣ сказокъ, преданій, пѣсенъ, легендъ. Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, пѣсни составляютъ центръ тяжести безыскусственной народной поэзіи. По состоянію пѣснотворчества можно судить о состояніи всей народной поэзіи. Въ XVI и XVII ст. народное пѣснотворчество достигло высокой степени развитія въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ. И въ прошломъ столѣтіи, и даже въ началѣ нынѣшняго въ народѣ жило множество высоко-художественныхъ пѣсенъ, въ значительномъ числѣ записанныхъ и вошедшихъ въ извѣстные сборники Максимовича, Метлинскаго, Чубинскаго, Головацкаго, Шеина, Рыбникова, Кирѣевскаго, Безсонова. Нѣмецкій ученый Вестфаль въ рѣчи, сказанной въ 1879 г. въ московскомъ филологическомъ обществѣ, превознесъ похвалами русскую народную лирику. Онъ поставилъ русскую народную лирику далеко выше нѣмецкой, какъ по ширинѣ замысла, такъ и по законченности формы. Вестфаль находитъ, что по мелодическому богатству и ритмическому совершенству съ русской пѣсней могутъ сравниться только древне-греческая музыка

---

[1]) Щаповъ, „Правосл. Собесѣд.“, 1859. I, 55.

и творенія великаго Себастьяна Баха [1]). Еще болѣе похвальные отзывы существуютъ относительно малорусской народной поэзіи, и не только со стороны малоруссовъ, по истинѣ и по праву гордящихся словесными произведеніями роднаго народа, но также со стороны иноземныхъ и иновѣрныхъ ученыхъ. Извѣстный профессоръ и академикъ Ягичъ (хорватъ) малорусскую поэзію считаетъ самой богатой и самой прекрасной въ славянскомъ мірѣ и называетъ ее превосходной исторіей человѣческаго сердца. По его словамъ, малорусскія пѣсни „Lässt die zartesten Saiten des menschlichen Herzens ertönnen" (заставляютъ звучать самыя нѣжныя струны человѣческаго сердца) [2]).

По глубоко-основательному замѣчанію Н. И. Костомарова, „у насъ образованное общество, при всѣхъ отличіяхъ отъ народа, даже при напускномъ пренебреженіи къ народной рѣчи, гораздо болѣе заимствовало отъ простаго народа, чѣмъ ему давало" [3]). Лучшіе выразители общественной мысли, общественныхъ идеаловъ— поэты многое заимствовали у сѣраго мужика. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ сказокъ и былинъ возникли „Золотая рыбка" Пушкина, „Пѣсня про купца Калашникова" Лермонтова, „Морозъ— Красный носъ" Некрасова, „Алеша Поповичъ" и „Пантелей-Цѣлитель" А. Толстаго, „Хозяинъ" Мея. Малорусскія народныя пѣсни вошли въ „Гайдамаки" Шевченка и въ нѣкоторыя произведенія Гоголя.

Къ сожалѣнію, золотой вѣкъ безыскусственной народной поэзіи прошелъ. Въ глухихъ мѣстахъ сѣверной Россіи и въ Малороссіи поэзія еще сохраняетъ свою свѣжесть, чистоту и изящество. Въ Россіи средней, восточной и западной художественное словесное творчество народа изсякло. Изсякла даже семейная лирическая поэзія, не говоря уже о поэзіи исторической, забытой даже въ Малороссіи, этой исконной колыбели русскаго художественнаго словеснаго творчества. Южнорусскіе кобзари, поющіе думы, и великорусскіе сказатели былинъ въ настоящее время извѣстны на перечетъ. Рус-

---

[1]) *Новое Время* 1879. № 1215. Фельетонъ. В. С. Р.

[2]) *Archiv* für slav. Philol. I. 310, 324.

[3]) „*Бесѣда*". 1872. IV. 12. (Статья объ историч. знач. южнор. народ. пѣс.).

ская наука внимательно слѣдитъ за ними, какъ за послѣдними могиканами исторической поэзіи. Малорусскія думы казацкаго періода забыты. Съ прекращеніемъ чумачества совсѣмъ забываются и чумацкія пѣсни. Переставъ творить новыя пѣсни съ политическимъ оттѣнкомъ, народъ не долго довольствовался пѣснями старыми и сталъ забывать ихъ. Здѣсь вполнѣ оправдалось положеніе, что остановка въ развитіи, въ наступательномъ движеніи есть уже упадокъ и регрессъ.

Цивилизація просачивается различными путями въ народъ. По-видимому, это пути свѣтлые и чистые: школа, читальня, безтенденціозная въ политическомъ смыслѣ церковная проповѣдь. Въ дѣйствительности, церковная проповѣдь и школа въ измѣненіи народныхъ понятій, нравовъ и обычаевъ играютъ чуть не послѣднюю роль. Народные источники цивилизаціи оказываются довольно мутными, это—заѣзжій мѣщанинъ торгашъ, полуграмотный волостной писарь, бывалый фабричный рабочій. Интеллигенція мало дала деревнѣ, и деревенская „образованность" складывается преимущественно изъ бросовыхъ объѣдковъ цивилизаціи.

По свидѣтельству людей, изучавшихъ современное состояніе крестьянства, въ промышленныхъ областяхъ средней Россіи и по Волгѣ прежній патріархальный типъ русскаго селянина сталъ вытѣсняться новымъ типомъ „фабричнаго крестьянина" [1]). Фабричный крестьянинъ, не смотря на обладаніе грамотностью, далеко уступаетъ крестьянину земледѣльцу въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Не смотря на знакомство фабричнаго крестьянина съ городскими трактирами и кафе-шантанами, онъ по прежнему вѣритъ въ „порчу", въ „сглазъ", въ домовыхъ, по прежнему бьетъ свою жену. Г. Нефедовъ замѣтилъ, что фабричные крестьяне по теченію Волги и ея притоковъ обнаруживаютъ наклонность къ франтовству: парни ходятъ съ бумажными зонтиками подъ мышкой; дѣвицы носятъ на платьяхъ панье. По словамъ г. Молчалина, въ новгородской губерніи деревенскія дѣвицы танцуютъ французскую кадриль; молодцы разгуливаютъ по улицамъ въ сюртукахъ и въ жилетахъ съ часами [2]). Всѣ эти сюр-

[1]) *Михневичъ*, „Истор. Вѣстн. 1880. XII. 754.
[2]) Ibid. 755.

ПОПРАВКИ:

Напечатано	Должно быть
стр. 10, стр. 5 портиться	портится.
„ 14, „ 34 уманастроенія	умонастроенія.
„ 15, „ 25 писатели	писали.
„ 15, „ 29 всѣхъ	многихъ.

Перевірена 1948 р.
ПРОВЕРЕНО 1993 р.
Львовская общественная библиотека

2

туки, панье вносяться въ крестьянскій бытъ наряду съ массой новыхъ, безъ разбору схваченныхъ на городской улицѣ, идей и понятій и измѣняютъ крестьянскую жизнь до неузнаваемости; искажается народный характеръ; выработывается презрѣніе къ старинѣ, въ особенности къ стариннымъ деревенскимъ пѣснямъ; портиться языкъ. Истинно-народная, полная мелодіи и задушевности поэзія замѣняется фальшивыми и безнравственными трактирными пѣснями. Вотъ, для образца, нѣсколько крестьянскихъ пѣсенъ новѣйшаго происхожденія.

Въ Саратовской губерніи поется на посидѣлкахъ такая пѣсня о молодцѣ парнѣ:

Ваня въ зеркало глядѣлся,
Самъ собою смотрѣлся.
Какой я хорошій,
Какой я пригожій.
Рубашка французская,
Жилетка со цвѣтами,
Шляпа со перами,
Голова со кудрями.
Кудри вьются каждый часъ—
Цѣлуй молодца сейчасъ.

Въ другой пѣсни покинутая любовница проситъ невѣрнаго дружка:

Возьми въ руки пистолетикъ,
Заряди легкій зарядъ,
Растрѣли мою грудь.
Я тѣмъ буду довольна—
Сократишь ты жизнь мою [1]).

Печальное оскудѣніе художественнаго словеснаго творчества замѣчается и во многихъ малорусскихъ пѣсняхъ, преимущественно въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ великорусскими губерніями, наприм., въ Воронежской губерніи, въ сѣверной части Харьковской губерніи.

Здѣсь неумѣстно въ подробности опредѣлять, чѣмъ можно поддержать въ народѣ свѣтлое и чистое міросозерцаніе. Однимъ изъ крупныхъ средствъ поддержать художественное народное творчество на надлежащей высотѣ и предохранить его отъ разла-

[1]) Ibid. 765.

гающаго въ нравственномъ отношеніи трактирнаго пѣснотворчества — слѣдуетъ признать популяризацію лучшихъ произведеній новѣйшихъ поэтовъ. Наступило время, когда новѣйшая поэзія, вскормленная и вспоенная народной поэзіей, должна возвратить послѣдней то, что взяла отъ нея,—возвратить въ переработанномъ видѣ.

Эхъ, прійдетъ ли времячко,
Когда (прійди желанное!..)
Дадутъ понять крестьянину,
Что рознь портретъ портретику,
И книга книгѣ рознь?
Когда мужикъ не Блюхера
И не милорда глупаго,—
Бѣлинскаго и Гоголя
Съ базару понесетъ [1]).

По весьма основательному замѣчанію И. П. Сокальскаго, „ничто въ такой степени не въ состояніи ослабить рознь между классами, какъ единеніе мысли и чувства въ наслажденіи творчествомъ тѣхъ геніевъ, которыхъ дорогія для образованнаго общества имена не доходили и до слуха народа. Народъ узнаетъ, наконецъ, что— представители лучшихъ стремленій общества поэты входили въ положеніе его съ сердечнымъ участіемъ (Некрасовъ), заботились уловить и сохранить навсегда симпатичныя черты его страдальческаго облика (няня Татьяны, у Пушкина) и не забывали своей миссіи пробуждать среди читающаго общества и гуманность, и справедливость къ тѣмъ, которые созданіемъ матеріальныхъ средствъ открывали возможность къ развитію небольшому меньшинству, нынѣ серьезно задумывающемуся о судьбахъ своего меньшаго брата. (Жуковскій)“ [2]).

Прошло то время, когда на поэзію смотрѣли, какъ на пустяки, не стоящіе вниманія людей реально мыслящихъ, и стихотворенія А. Пушкина ставили ниже пары хорошо сшитыхъ сапогъ. Можно думать, что въ общественномъ сознаніи вполнѣ развилась и укрѣпилась та мысль, что поэзія есть особая форма проявленія мыш-

---

[1]) Некрасовъ.

[2]) *И. П. Сокальскій*, Статистич. Листокъ. 1883. № I, стр. 16.

ленія и для успѣшнаго развитія народной духовной жизни такъ же необходима, какъ и наука.

Затрогивая тонкія, сердечныя стороны жизни, поэзія прежде всего и болѣе всего содѣйствуетъ облагороженію сердца. Всякое истинно поэтическое, истинно художественное произведеніе есть eo ipso произведеніе гуманное, нравственно возвышающее. Оно располагаетъ человѣка къ братолюбію, къ гуманности. Художественное произведеніе не только высокому, но и среднему въ нравственномъ смыслѣ человѣку внушаетъ глубое отвращеніе ко лжи и насилію.

Не маловажно и реальное знаніе, доставляемое поэзіей. Она содѣйствуетъ очищенію и сконцентрированію понятій о мірѣ и человѣкѣ, просвѣтляетъ и расширяетъ міросозерцаніе. „Одинъ деревенскій мальчикъ, сообщаетъ Г. И. Успенскій въ своемъ превосходномъ разсказѣ „Не случись“ [1]), сказалъ мнѣ: сколько разъ я видѣлъ зиму и носъ отмораживалъ, и ноги знобилъ, и въ снѣжки игралъ, а все не думалъ, что такое зима. А вотъ какъ прочиталъ стишокъ сочиненія Пушкина про ту же зиму и про тотъ же снѣгъ,— и стала мнѣ зима любопытна“.

Разумѣется, не всякое стихотворство—поэзія, и можетъ быть такое стихотворство, которое содѣйствуетъ развитію не умственнаго мускула, а умственнаго жира,—стихотворство конфектное. Истинная поэзія дается рѣдкимъ, избраннымъ натурамъ, для которыхъ словесное творчество представляетъ глубокую жизненную потребность въ выраженіи напряженнаго состоянія мысли и чувства.

Такой рѣдкой, избранной натурой былъ А. С. Пушкинъ. О народности Пушкина одно время спорили; торжественное чествованіе памяти Пушкина, по случаю постановки ему памятника въ Москвѣ, прекратило эти споры, какъ неумѣстные въ виду, такъ сказать, очевиднаго обнаруженія глубокой народности пушкинской поэзіи. Почти всю свою жизнь Пушкинъ провелъ среди высшаго интелигентнаго общества. Онъ дорожилъ мнѣніемъ этого общества и писалъ для него и въ его духѣ. Пушкинская поэзія, какъ обра-

---

[1]) „Русская Мысль“ 1882. XI. 264.

зовательное и гуманизирующее средство въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія общества, далеко еще не утилизирована и не оцѣнена. Грамотному простому народу лишь немногія пушкинскія стихотворенія понятны и доступны. Но здѣсь значеніе Пушкина, какъ простонароднаго поэта, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, обусловливается не количествомъ доступныхъ для народнаго пониманія его стихотвореній, а ихъ неоцѣненными внутренними достоинствами. Такія стихотворенія, какъ „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ", „Утопленникъ", разговоръ няни въ „Евгеніѣ Онѣгинѣ", „Зимній вечеръ", по глубокой народности, по прелести языка, по высокому нравственному чувству, въ школьномъ обученіи незамѣнимы никакими чувствительными сказочками, и не полно то обученіе, которое не знакомитъ сельскаго ученика съ этими драгоцѣнными произведеніями русскаго слова.

Некрасовская поэзія, въ противоположность поэзіи Пушкина, очень обильна стихотвореніями простонароднаго характера. Только качественное достоинство стихотвореній Некрасова изъ простонароднаго быта не всегда удовлетворительно. Для Некрасова поэзія не была въ такой степени выраженіемъ правды жизни, какъ для Пушкина. Некрасовъ часто писалъ подъ вліяніемъ извѣстной журнальной партіи, писалъ тенденціозно. У него нѣтъ вполнѣ цѣльныхъ и выдержанныхъ стихотвореній, цѣльныхъ какъ въ художественномъ отношеніи, такъ и по отношенію къ жизненной правдѣ. При всемъ томъ, стихотворенія Некрасова съ извѣстными пропусками и сокращеніями представляютъ превосходное чтеніе для простаго народа и были бы весьма полезны въ школѣ. Ни у одного поэта жизнь великорусскаго крестьянина не обрисована такъ полно, рельефно, какъ у Некрасова. Вся темная, печальная сторона крестьянской жизни на лицо. Тутъ и ребенокъ, обреченный на тяжелую работу съ 6 лѣтняго возраста, и работникъ, не имѣющій къ чему приложить свои сильныя руки, и истомленная нуждой и побоями мужа крестьянская жена, и старуха, помышляющая въ темную осеннюю ночь о мукахъ въ преисподней и, наконецъ, тяжелая картина смерти и похоронъ крестьянина. Есть замѣчательныя картины, поразительныя строки.

Для Малороссіи настоящимъ сокровищемъ представляется „Кобзарь“ Тараса Шевченка. Были писатели выше Шевченка по силѣ художественнаго дарованія, были поэты, болѣе разнообразные по содержанію произведеній; но не было поэта, который такъ близко воспринялъ бы духовные и матеріальные интересы роднаго народа и выразилъ ихъ въ столь народномъ духѣ и такимъ простонароднымъ языкомъ, какъ понялъ и выразилъ Шевченко. Шевченко явился на вечерней зарѣ украинской народной поэзіи. Онъ воспринялъ въ свою поэтическую душу весь ея мягкій, прощальный блескъ и перелилъ его въ перлы литературные. Это былъ какъ бы послѣдній поэтъ двадцатимилліоннаго украинскаго народа, излившій его словомъ и въ его духѣ чудныя пѣсни про все, чѣмъ славилась и красилась Украина въ прошлыя столѣтія. Чрезвычайная простота и искренность въ выраженіи, глубокая гуманность въ обрисовкѣ личныхъ и семейныхъ отношеній простаго украинскаго народа — составляютъ характеристическую особенность произведеній Шевченка и дѣлаютъ его поэзію драгоцѣннымъ нравственно-воспитательнымъ средствомъ. Всякое простое, неиспорченное человѣческое сердце можетъ чувствовать прелесть Шевченковой поэзіи; для тѣхъ же, кто выросъ въ Малороссіи и вглядѣлся въ ея тихую красоту, кто дышалъ благорастворенным воздухомъ украинскихъ полей и хотя разъ въ жизни любовался Днѣпромъ, для тѣхъ слово Шевченка представляется своего рода откровеніемъ. Оно освѣщаетъ и просвѣтляетъ смутныя движенія и волненія души, даетъ имъ высокій нравственный смыслъ и раскрываетъ свѣтлыя цѣли для дѣятельности. Въ простонародной школѣ Шевченка не знаютъ. Благо и то, что его вѣщее слово находитъ доступъ въ образованное южнорусское общество и дѣйствуетъ на него въ смыслѣ нравственномъ, очищаетъ его духовно, приводитъ къ возможному для интеллигентнаго человѣка единенію съ народомъ въ языкѣ и мысляхъ.

Величественная лермонтовская поэзія почти совсѣмъ недоступна для простаго народа, по содержанію (о Кавказѣ болѣе говорится, чѣмъ о Россіи), по тону (мрачному, возникшему изъ больнаго общественнаго умонастроенія), по чрезвычайной сжатости въ выраженіи мысли, сжатости, требующей отъ читателя выработаннаго и развитаго вниманія, и, наконецъ, по стиху, какъ выражаются,

желѣзному, слишкомъ непривычному для простонароднаго уха, воспитаннаго на мягкихъ, преимущественно женскихъ пѣсняхъ.

Другое дѣло—графъ А. Толстой. Это талантъ не крупный, но весьма симпатичный по искренности проникающаго его стихотворенія чувства, по ихъ простотѣ и задушевности. Графъ Толстой не только подражалъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ простонародной поэзіи, преимущественно былевой. Одного подражанія мало. Онъ часто писалъ въ народномъ духѣ, вносилъ въ свои стихотворенія мысль и чувство простаго великорусскаго мужика.

А. Н. Майковъ обладаетъ поэтическимъ талантомъ первой величины. Его талантъ родственъ таланту А. Пушкина. При высокомъ художественномъ достоинствѣ стихотвореній Майкова, въ нихъ постоянно пробивается серіозная, часто весьма глубокая мысль. Во многихъ своихъ стихотвореніяхъ Майковъ выступаетъ поэтомъ философомъ, дѣйствующимъ не только на чуство и воображеніе, но и на мысль читателя. Въ приложеніи къ простому народу о поэзіи А. Н. Майкова можно сказать то же, что ранѣе было нами сказано о поэзіи Пушкина. Весьма немногочисленнны стихотворенія Майкова, доступныя народному пониманію; но за то доступныя народу такъ содержательны, гуманны и прекрасны по изложенію, что было бы весьма желательно самое широкое ихъ распространеніе среди грамотныхъ крестьянъ.

Въ жизни и поэзіи Кольцова и Никитина есть много сходнаго. Оба поэта вышли изъ мѣщанства, довольно близко стоящаго къ простому народу по языку, нравамъ и привычкамъ. Оба писатели, по крайней мѣрѣ старались писать въ простонародномъ духѣ, далеко, однако, не опредѣливъ и не уразумѣвъ его существенныхъ сторонъ. У обоихъ попадаются хорошія стихотворенія изъ простонароднаго быта. На всѣхъ произведеніяхъ Кольцова и на нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ его послѣдователя и отчасти подражателя Никитина лежитъ печать чуждой народу сентиментальности, точнѣе, какой-то идиллической слащавости. Для школьниковъ многія Кольцовскія стихотворенія очень хороши; но для взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ въ нихъ не достаетъ серіозной мысли и серіознаго содержанія. Никитинскія стихотворенія въ этомъ отношеніи

выше Кольцовскихъ. У Никитина есть крупный образъ старосты кулака, плутовки свахи и нѣкот. друг.

Изъ поэтовъ прозаиковъ первое мѣсто занимаетъ Тургеневъ. „Записки Охотника"—сплошная, ни съ чѣмъ несравнимая, въ высшей степени оригинальная поэзія. Калиничъ, Касьянъ съ Красивой Мечи, Лукерья—живыя мощи, Яшка турокъ — не только высокіе художественные образы. Это люди живые, говорящіе непосредсвенно душѣ читателя, люди съ тѣмъ могучимъ поэтическимъ началомъ, которое краситъ жизнь человѣка, болѣе того, краситъ жизнь всего народа. Во всякой простонародной библіотекѣ, во всякой крестьянской читальнѣ „Запискамъ охотника" должно быть отведено видное мѣсто.

Обращаясь къ изданной нами „Сельской Христоматіи", считаемъ необходимымъ на первыхъ же порахъ замѣтить, что, составляя „Сельск. Христом.", мы имѣли въ виду преимущественно взрослаго грамотнаго крестьянина средняго умственнаго развитія. Говорятъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверо-восточной Россіи крестьяне не знаютъ колесныхъ телѣгъ и не имѣютъ въ своемъ обиходѣ даже огурцовъ. Въ Сибири есть мѣстности, гдѣ русскіе крестьяне отъ употребленія лѣстницы съ перекладинами перешли къ употребленію лѣстницы первобытнаго свойства въ видѣ бревна съ боковыми зарубками. Невозможно, да и непозволительно съ педагогической точки зрѣнія при выборѣ матеріала для народнаго чтенія снисходить до самаго низшаго уровня крестьянскаго пониманія. Въ средней Россіи и въ Малороссіи общій умственный уровень крестьянъ, несомнѣнно, гораздо выше, чѣмъ умственный уровень жителей въ такихъ обиженныхъ самой природой мѣстностяхъ, какъ Бѣлоруссія, губ. Уфимская, Вятская.

Издавая „Сельск. Христом." выпусками, мы имѣли въ виду сдѣлать ее по цѣнѣ доступной бѣднѣйшимъ классамъ народа и по возможности избѣжать той христоматической путаницы, когда имена, годы, стихи проносятся передъ глазами читателя въ хао-

тическомъ безпорядкѣ, причемъ рѣшительно теряется изъ виду самостоятельное и оригинальное въ личности и произведеніяхъ поэта.

Вып. 1.—А. С. Пушкинъ. Порядокъ перехода отъ стихотворенія къ стихотворенію: а) „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ"—понятна для дѣтей пятилѣтняго возраста, можетъ служить матеріаломъ для разсказа и для разбора. Нравственный элементъ сказки: благодарность и щедрость рыбки, наказаніе жены рыбака за тщеславіе и жадность. Вниманіе дѣтей можетъ быть обращено на хорошія качества избы, подаренной рыбкой, на особенности сказачной рыбки сравнительно съ дѣйствительными рыбками, извѣстными дѣтямъ (о рыбѣ см. Вагнера, Путеш. по полю 162, Корфа „Нашъ другъ" 159, 118), на преимущества дворянскаго званія, какъ они обрисованы въ сказкѣ. б) „Зимній вечеръ",—симпатичный образъ няни, гуманное къ ней отношеніе питомца ея, картина зимняго вечера въ чисто народномъ вкусѣ, народныя пѣсни. Стихотвореніе пояснить біографическими чертами (наня Пушкина Арина Родіоновна убогая комнатка Пушкина въ с. Михайловскомъ Псков. губ., гдѣ написано стихотвореніе, наклонность Ар. Род. къ вину). в) „Зима". г) „Разговоръ няни съ Татьяной". Сопоставленіе молодости и старости, барышни дворянки и старухи крестьянки. Крестьянская свадьба въ жизни народа и въ стихотвореніи Пушкина. д) „Утопленникъ". Стихотвореніе понятно и интересно для дѣтей и взрослыхъ. Отношенія рыбака отца къ дѣтямъ (ворчливый добрякъ); взглядъ рыбака на судъ (старинный). Картина спящей крестьянской семьи въ хатѣ. Народное повѣрье о необходимости хоронить утопленника. е) „Украинская ночь". Чудная картина малороссійской ночи. Сравн. гоголевское описаніе украинской ночи (соч. Гоголя 1, 60). ж) „Цыганскій таборъ". Собраны главныя черты цыганскаго быта (кочеванье, кузнечное ремесло и друг.). з) „Сцена въ кельѣ Чудоваго монастыря". Образъ лѣтописца въ высшей степени художественный и вѣрный древней дѣйствительности. Сопоставленіе Пимена (спокойный старикъ) и Григорія (увлекающійся юноша). Сонъ Григорія, замѣчательный по естественности и вѣрности природѣ честолюбца. Московская старина. и) „Пророкъ"—величайшее произведеніе русской поэзіи по глубинѣ мысли, широтѣ содержанія и пре-

лести стиха. Если „Пророкъ“ Пушкина попадется великорусскому крестьянину въ родѣ Сютаева или пытливому малорусскому штундисту, то и крестьянинъ пойметъ, какъ велика и благотворна была духовная операція, совершенная серафимомъ надъ пророкомъ и въ божіемъ повелѣніи глаголомъ жечь сердца людей увидитъ призывъ къ самоотверженной дѣятельности во имя высшихъ нравственныхъ началъ.

Вып. 2. Н. А. Некрасовъ. Во второмъ выпускѣ „Сел. Христ.“ мы распредѣлили стихотворенія Некрасова такимъ образомъ, что вышла довольно полная картина деревенской природы и крестьянскаго житья-бытья. Сначала говорится о хлѣбномъ полѣ, затѣмъ о жизни крестьянина и крестьянки разнаго возраста, отъ дѣтства до старости, и, наконецъ, о смерти крестьянина и плачѣ по немъ его осиротѣлой семьи. Стихотворенія Некрасова располагаютъ любить крестьянина, какъ великаго труженика, и уважать его полезный трудъ. Природа въ стихотвореніяхъ Некрасова вполнѣ русская, хорошо знакомая крестьянину [1]).

Вып. 3. — В. А. Жуковскій. Огромное большинство стихотвореній Жуковскаго сильно устарѣло. Грамотнымъ крестьянамъ можно предложить весьма немногое изъ Жуковскаго. Всѣмъ преподавателямъ русскаго языка въ низшихъ училищахъ мы въ особенности рекомендуемъ въ высшей степени задушевное и содержательное стихотвореніе „Лѣтній вечеръ“. Въ немъ превосходно изображена лѣтняя работа солнца. Стихотвореніе даетъ поводъ къ цѣлому ряду бесѣдъ по естествовѣдѣнію. Затѣмъ весьма хорошо начало „Свѣтланы“, гдѣ изображены крещенскія гаданія. Напечатанный въ „Сел. Христ.“ отрывокъ изъ „Свѣтланы“ даетъ поводъ къ разнообразнымъ бесѣдамъ съ дѣтьми о народныхъ повѣрьяхъ и обычіяхъ. Въ слѣдъ за этими стихотвореніями мы ставимъ прелестную, для дѣтей весьма понятную и любопытную поэтическую обработку народной загадки о звѣздахъ и разсказъ о происхожденіи овсянаго киселя. Для воспитанія въ дѣтяхъ мягкаго религіознаго чувства весьма хороша „Утренняя звѣзда“.

---

[1]) Въ поясненіе некрасовскаго стихотворенія „Въ гору“ дѣтямъ можно показать извѣстную въ многочисленныхъ снимкахъ превосходную картину Рѣпина „Бурлаки“.

Вып. 4.—Я. П. Полонскій. На первомъ мѣстѣ помѣщено стихотвореніе „Солнце и мѣсяцъ“, построенное на народной сказкѣ миѳологическаго свойства. Дѣти чрезвычайно легко усвоиваютъ это стихотвореніе, вполнѣ удовлетворяющее ихъ наклонности къ олицетворенію свѣтилъ небесныхъ, и съ усвоеніемъ стихотворенія незамѣтно воспринимаютъ лежащіе въ немъ гуманные и народно-поэтическіе элементы, обработанные мастерской рукой поэта въ высокой степени художественно. „Лѣтнее утро“ и „Лѣтній вечеръ“ прежде всего замѣчательны, какъ музыкальныя произведенія. Подобнаго рода стихотворенія необходимо читать или произносить громко, такъ какъ самое сочетаніе словъ своимъ благозвучіемъ дѣйствуетъ на слухъ чарующимъ образомъ. „Лѣтнее утро“ вполнѣ просто и ясно по содержанію. Начало „Лѣтняго вечера“ заключаетъ въ себѣ поэтическій образъ нѣсколько утонченный, недостаточно ясный для человѣка, непривыкшаго вдумываться въ прочитанное, но, затѣмъ, въ серединѣ стихотворенія слѣдуетъ уже чисто народное представленіе небесныхъ свѣтилъ въ образѣ зажженныхъ передъ божіимъ трономъ свѣчей, и, наконецъ, окончаніе стихотворенія весьма гармонично, ясно и просто. Въ „Колокольчикѣ“ и „Желѣзной дорогѣ“ затронуты самыя тонкія струны человѣческаго сердца. Для дѣтей эти стихотворенія непонятны; они мало говорятъ дѣтскому сердцу, слишкомъ еще неопытному въ житейскихъ дѣлахъ. Но человѣку взрослому „Колокольчикъ“ и „Желѣзная дорога“ могутъ доставить истинное наслажденіе, какъ высоко-художественное воспроизведеніе нѣкоторыхъ симпатичныхъ сторонъ жизни семейной. „Зимній путь“, Мельникъ“ и „Голодъ“ представляютъ превосходные художественные образы изъ области народныхъ повѣрій и сказокъ. Вставленная въ „Зимній путь“ сказка о прекрасной царевнѣ, а въ „Мельникѣ“ повѣрье о купальскихъ чортовыхъ гуляньяхъ, напоминающія сельскому мальчику множество подобныхъ сказокъ и повѣрій, слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ, могутъ дать поводъ сельскому учителю къ весьма содержательнымъ и полезнымъ бесѣдамъ съ учениками. „Разсказъ монаха болгарина, отчего онъ поступилъ на Аѳонъ“ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ живо и ясно обрисовано угнетенное положеніе болгарскаго народа во время турецкаго

ига. Великая освободительная заслуга русскаго народа отчетливѣе запечатлѣется въ сознаніи грамотнаго крестьянина по прочтеніи помѣщеннаго въ „Сел. Христ.“ отрывка изъ „Келіота“.

Вып. 5.— Л. А. Мей и А. К. Толстой. Мея и А. Толстаго можно соединить въ одной книжкѣ, по внутреннему сходству нѣкоторыхъ сторонъ ихъ поэтическаго творчества. Въ 5 выпускѣ прежде всего должно остановится на былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ, грандіозномъ поэтическомъ воплощеніи всего земледѣльческаго народа русскаго въ лицѣ одного богатыря пахаря, богобоязненнаго, сильнаго, трудолюбиваго и гостепріимнаго. Затѣмъ слѣдуетъ перейти къ произведеніямъ Мея и А. Толстаго, созданнымъ въ простонародномъ духѣ, подъ прямымъ вліяніемъ простонародной поэзіи, преимущественно былевой. „Неравный бракъ“ А. Толстаго стоитъ на ряду съ лучшими произведеніями новѣйшей искусственной поэзіи, по силѣ и глубинѣ чувства, вѣрности простонародному быту, широтѣ затрогиваемаго въ немъ вопроса о семейномъ положеніи крестьянской женщины, въ особенности, по гуманности. „Колодники“ проникнуты народнымъ, вполнѣ человѣколюбивымъ взглядомъ на ссыльно-каторжныхъ, какъ на „несчастныхъ“. Въ „Алешѣ Поповичѣ“ обрисовано чудное вліяніе пѣсни на душу человѣка. Пѣвучему русскому народу стихотвореніе это несомнѣнно придется по душѣ. Въ стихотвореніи „Малороссія“ мастерски схвачена и очерчена природная красота Украины. Какъ въ природѣ Украины, такъ и въ стихотвореніи А. Толстаго нѣтъ ничего рѣзкаго, бьющаго въ глаза. Изъ чертъ и образовъ мелкихъ въ отдѣльности складывается истинное, весьма своеобразное изящество. „Спѣсь“, „Ой, кабы“, „Думы“, „Горе“ А. Толстаго, „Запѣвка“, „Пѣсня“, „Хозяинъ“ Мея — построены на народно-поэтическихъ образахъ и даже народно-поэтическихъ выраженіяхъ. Грамотный крестьянинъ въ этихъ стихотвореніяхъ находитъ знакомое содержаніе, лишь обработанное мастерской рукой интелигентнаго художника. Дѣтямъ доступны и полезны слѣдующія стихотворенія: „Лѣсъ“ Мея, представляющій весьма пластическое, наглядное воспроизведеніе великорусскаго лѣса, „Малороссія“, „Колодники“, „Стрекозы“ и „Спѣсь“ А. Толстаго, и въ особенности былина о Микулѣ.

Въ послѣдніе два выпуска „Сельск. Христ.“, 6 и 7, предполагаемъ помѣстить слѣдующія стихотворенія:

Вып. 6.—Кольцовъ и Никитинъ. Изъ Кольцова: „Пѣсня пахаря“, „Крестьянская пирушка“, „Урожай“, „Лѣсъ“, „Доля бѣдняка“, отрывокъ изъ „Косаря“, „Что ты спишь, мужичекъ“. Изъ Никитина: „Староста“, „Соха“, „Пахарь“, „Дѣдушка“, „Зимняя ночь въ деревнѣ“, „Пѣсня бобыля“ и восьмая глава „Кулака“ (типъ великорусской свахи и изображеніе сговора).

Вып. 7.—А. Майковъ и Лермонтовъ. Изъ Майкова: „Картинка“ (послѣ манифеста 19 февр. 1861 г.)“, “Лѣтній дождь“, „Сѣнокосъ“, „Ночь на жатвѣ“, „Дорогъ мнѣ, передъ иконой“, начало стихотворенія „Болото“, отрывокъ изъ „Пейзажа“, отрывокъ изъ „Упраздненнаго монастыря“, „Нива“, „Альпійская дорога“ и отрывокъ изъ стихотворенія „Здѣсь весна, какъ художникъ“. Изъ Лермонтова: „Казачья колыбельная пѣсня“, отрывокъ изъ стихотворенія „Родина“, „Узникъ“ и „Утесъ“ [1]).

Распредѣленіе стихотвореній по однородности содержанія.

1) „Зеленый шумъ“ Некрасова, „Лѣсъ“ Мея, „Лѣсъ“ Кольцова и „Лѣсъ“ (изъ Пейзажа) Майкова (лѣсъ весной, лѣтомъ и осенью).

2) „Здѣсь весна“ Майкова“ и „Зеленый шумъ“ Некрасова (весна).

3) „Лѣтнее утро“ Полонскаго, „Утренняя звѣзда“ Жуковскаго, „Лѣтній вечеръ“ Полонскаго, „Лѣтній вечеръ“ Жуковскаго, „Деренскій сторожъ въ полночь“ Жуковскаго, „Украинская ночь“ Пушкина (лѣтній день и ночь).

4) „Зима“ и Зимній вечеръ“ Пушкина, „Свѣтлана“ Жуковскаго, „Зимняя ночь въ деревнѣ“ Никитина, (зимній день и ночь).

5) „Косарь“ Кольцова и „Сѣнокосъ“ Майкова. (Превосходное прозаическое описаніе уборки сѣна см. въ романѣ Льва Толстаго „Анна Каренина“).

6) „Лѣтній дождь“ Майкова, „Пѣсня пахаря“ Кольцова, „Пахарь“ Никитина, Былина о Микулѣ, „Соха“ Никитина, „Нива“ и „Ночь на жатвѣ“ Майкова, „Хлѣбное поле“ и „Страда дере-

[1]) „Пѣсня про купца Калашникова“ издана для народнаго чтенія въ большомъ количествѣ экземпляровъ и весьма дешево (5 коп. за книжку) и издана при томъ какъ въ русскомъ подлинникѣ, такъ и въ малороссійскомъ переводѣ г. Старицкаго.

венская" Некрасова, „Утренняя звѣзда" Жуковскаго, „Жница" Мея, „Урожай" Кольцова, „Молотьба" Некрасова, „Овсяный кисель" Жуковскаго, „Несжатая полоса" Некрасова, „Голодъ" Полонскаго (посѣвъ жатва и проч.).

7) „Что ты спишь, мужичекъ" Кольцова (лѣнивый пахарь"), „Несжатая полоса" Некрасова (больной пахарь) и Былина о Микулѣ (могучій пахарь).

8) „Свѣтлана" Жуковскаго и „Дѣвичьи думы" Некрасова.

9) „Разговоръ няни съ Татьяной" Пушкина, „Сваха" Никитина, (сватовство и сговоръ у крестьянъ и купцовъ).

10) „Неравный бракъ" (по имуществу) А. Толстаго и „Хозяинъ" (неравный бракъ по лѣтамъ) Мея, „Пѣсня" Мея.

11) „Казачья колыбельная пѣсня" Лермонтова, „Женская доля" Некрасова, „На желѣзной дорогѣ" Полонскаго (мать).

12) Зимній вечеръ" и „Разговоръ няни" Пушкина, „Зимній путь" и „Солнце и мѣсяцъ" Полонскаго (няня).

13) „Крестьянскій ребенокъ" и „Дума" Некрасова (работникъ).

14) „Крестьянская пирушка" Кольцова и „Хозяинъ" Мея (крестьянское богатство).

15) „Думы" и „Горе" А. Толстаго, „Пѣсня бобыля" Никитина, „Пѣсня бѣдняка" Жуковскаго, „Доля бѣдняка" Кольцова (крестьянская бѣдность).

16) „Колодники" А. Толстаго, „Узникъ" Жуковскаго и „Узникъ" Лермонтова.

17) „Что думаетъ старуха" Некрасова, „Дѣдушка" Никитина.

18) „Крестьянская смерть" Некрасова и „Сельское кладбище" Жуковскаго. (Превосходное описаніе похоронъ крестьянина см. въ „Запискахъ Охотника" Тургенева, въ началѣ разск. „Касьянъ изъ Красивой Мечи").

19) „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ" Пушкина, „Зимній путь" и „Солнце и мѣсяцъ" Полонскаго (народныя сказки).

20) Зимній вечеръ" Пушкина и „Свѣтлана" Жуковскаго (народныя пѣсни).

21) „Мельникъ" Полонскаго, „Хозяинъ" Мея, „Утопленникъ" Пушкина (народныя повѣрья).

22) „Староста“ Никитина и „Въ гору“ Некрасова (изъ общественнаго быта крестьянъ).

23) “Родина“ Жуковскаго, „Мысль о смерти“ Пушкина, „Родина“ Лермонтова „Нива“ Майкова и „На желѣзной дорогѣ“ Полонскаго (любовь къ родному краю).

24) „Утренняя звѣзда“ Жуковскаго и „Альпійская дорога“ Майкова (молитва, при какихъ условіяхъ, о чемъ, за кого и проч.). Въ добавленіе къ этимъ стихотвореніямъ разобрать прелестное произведеніе Майкова „Дорогъ мнѣ, передъ иконой“.

25) „Малороссія“ А. Толстаго и „Украинская ночь“ Пушкина.

Стихотворенія, посвященныя описанію природы, служатъ къ развитію въ простомъ народѣ сознательнаго отношенія къ силамъ и явленіямъ природы, къ утвержденію живаго и отчетливаго о нихъ представленія.

Стихотворенія, изображающія семейную и общественную жизнь простаго народа, служатъ для расширенія въ народѣ размѣровъ впечатлительности по отношенію къ горю и благу ближняго.